

Научная статья

УДК 392.3:159.953 + 316.356.2 + 929.52(470.322) + 070.1 + 81'22

doi 10.15826/tetm.2022.3.029

«Мы сами — время»: динамика времени и смысл прошлого в нарративах семейной памяти Часть II*

Андрей Александрович Линченко

Финансовый университет при Правительстве РФ, Липецк, Россия

linchenko1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6242-8844>

Аннотация. На основе результатов анализа нарративных интервью трех поколений жителей г. Липецка в данной статье выявлены и осмыслены особенности репрезентации семейного времени, основные типы событий семейной истории и формы преемственности семейных традиций. Способы конструирования времени и событийности были проанализированы в контексте культурных практик повседневной жизни, осознаваемых как традиции труда, быта и досуга. На основе биографического метода Ф. Шютце выявлены положительные и отрицательные кривые биографических рассказов и сопоставлены с «семейными сценариями», репрезентированными в нарративах липчан. Сочетание биографического метода Ф. Шютце и критического дискурс-анализа З. Йегера позволило нам выявить и сопоставить общие тенденции, которые оказались, с одной стороны, доминирующими в нарративах семейной памяти трех поколений липчан, а с другой — наглядно представленными в медийном дискурсе общественных коммемораций. Первой тенденцией являлся безусловный рост осмысленности семейной истории по мере увеличения возраста наших респондентов. Второй важнейшей тенденцией стало использование респондентами событий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. как своеобразной «мировоззренческой» рамки для интерпретации событий семейной истории и ее базовых смыслов. Третья тенденция — это ярко выраженное стремление уйти от осмысления трагических событий семейной истории и не критичность восприятия биографий членов семьи в эпоху репрессий 1930-х гг. Четвертой тенденцией стало абсолютное доминирование сильного типа преемственности по отношению к семейным традициям. Было выявлено, что развертывание семейной темпоральности предстает как процесс постоянного и динамического взаимодействия со смысловым пространством исторической культуры региона и ее практиками использования прошлого.

Ключевые слова: семейная память, нарративное интервью, биографический метод, семейная темпоральность, критический дискурс-анализ, медиарепрезентация времени

---

* Часть I см.: Tempus et Memoria. 2020. Т. 1, № 1–2. С. 53–67.

© Линченко А. А., 2022

Для цитирования: Линченко А. А. «Мы сами — время»: динамика времени и смысл прошлого в нарративах семейной памяти. Ч. 2 // *Tempus et Memoria*. 2022. Т. 3, № 1. С. 29–45. doi 10.15826/tetm.2022.3.029

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-011-00297.

Original article

“We are the Time”: the Dynamics of Time and the Sense of the Past in the Narratives of the Family Memory. Part II

Andrey A. Linchenko

Financial University under the Government of Russian Federation, Lipetsk, Russia

linchenko1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6242-8844>

Abstract. Based on the results of the analysis of narrative interviews of three generations of residents of Lipetsk, this article identifies and comprehends the features of the representation of family time, the main types of events in family history and the forms of continuity of family traditions. The methods of constructing time and eventfulness were analyzed in the context of cultural practices of everyday life, perceived as traditions of work, everyday life and leisure. On the basis of the biographical method of Fritz Schütze, positive and negative curves of biographical stories were identified, which were compared with the “family scenarios” represented in the narratives of the people of Lipetsk. The combination of F. Schütze’s biographical method and S. Jaeger’s critical discourse analysis allowed us to identify and compare general tendencies that, on the one hand, turned out to be dominant in the family memory narratives of three generations of Lipetsk residents, and on the other hand, were clearly represented in the media discourse of public commemorations. The first trend was the unconditional growth of the meaningfulness of family history as the age of our respondents increased. The second most important trend was the use by respondents of the events of the Great Patriotic War of 1941–1945 as a kind of “worldview” framework for interpreting the events of family history and its basic meanings. The third trend was the pronounced desire to avoid comprehending the tragic events of family history and the uncritical perception of the biographies of family members during the era of repression in the 1930s. The fourth trend was the absolute dominance of a strong type of continuity in relation to family traditions. It was revealed that the deployment of family temporality appears as a process of constant and dynamic interaction with the semantic space of the historical culture of the region and its practices of using the past.

Keywords: family memory, narrative interview, biographical method, family temporality, critical discourse analysis, media representation of time

For citation: Linchenko, A. A. (2022). “My sami — vremya”: dinamika vremeni i smysl proshlogo v narrativakh semeinoi pamyati. Chast’ II [“We are the Time”: the Dynamics of Time and the Sense of the Past in the Narratives of the Family Memory. Pt. 2]. *Tempus et Memoria*, 3, 1, 29–45. doi 10.15826/tetm.2022.3.029

Acknowledgments: The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, grant № 20-011-00297.

В первой части статьи на основе анализа нарративных интервью трех поколений жителей г. Липецка нами были проанализированы особенности хронологии и периодизации событий семейной памяти [Линченко]. На основе биографического метода Фритца Шютце нами были выявлены положительные и отрицательные кривые биографических рассказов, которые были сопоставлены с «семейными

сценариями», репрезентированными в нарративах липчан. Показано, что фактор возраста продолжает играть решающее значение как для особенностей динамики времени в семейной памяти, так и для хронологии и периодизации событий семейной памяти. Наличие в семейной памяти мифологизированных упоминаний о высоком социальном статусе предков оказывалось важным фактором расширения

темпоральных границ, а также способствовало усилению роли и значения «исторического фона» семейной хронологии во всех возрастных группах. На материалах интервью были проанализированы особенности «поколенческой периодизации», а также подтвержден вывод Гаральда Вельцера о явлении «кумулятивной героизации» как важного фактора структурирования семейной темпоральности.

Во второй части статьи представим завершающую часть нашего исследования, а также подробнее остановимся на особенностях осмысления событийности семейной истории и осознания преемственности с семейной традицией в транспоколенческой перспективе. Вместе с тем динамика семейного времени будет рассмотрена нами в контексте регионального дискурсивного пространства (медиа-среда), актуализирующего определенную смысловую направленность нарративов семейной памяти. В этой связи биографический подход потребовал его сочетания с дискурс-анализом, что позволило нам развернуть инструментарий, учитывающий институциональные аспекты биографических нарративов липчан.

Смысл семейной истории в нарративах трех поколений липчан

Трактовка биографического рассказа как концептуально единого и внутренне осмысленного текста в теории Ф. Шютце [Schütze 1983] позволяет поставить вопрос и об осмысленности нарративов семейной памяти. На наш взгляд, в данном случае есть все основания переносить механизмы смыслополагания автобиографического рассказа на уровень рассказов об истории семьи. Изменяется только перспектива, где рассказчик вынужден в большей мере говорить о своей семье, продолжателем (или опровергателем) традиций которой он является. В данном случае понятие «семейный сценарий» достаточно хорошо соотносится с кривыми жизненной динамики у Ф. Шютце [Schütze 1984]. Причем интерпретация рассказчиком негативного или положительного сценария семейной истории может не только передаваться от поколения к поколению, о чем писал П. Томпсон [Томпсон], но и конструироваться на уровне автобиографической памяти

рассказчика, переосмысливающего семейный опыт. В этой связи, сравнивая между собой нарративы и кривые историй семей, мы задавали вопросы об осмысленности семейной истории, о том, насколько респонденты видят себя частью процесса передачи семейного опыта, а также стремились выявить и классифицировать характерные для рассказчиков типы нарратива.

Говоря об осмысленности семейной истории в рассказах представителей молодежной группы, можно зафиксировать противоречивую ситуацию. Сравнивая рассказы, мы обнаружили, что чуть меньше половины респондентов (восемь интервью), сообщая о событиях, практически не аргументировали свое понимание семейной истории. Несмотря на то что семейной памяти, как и любой другой форме памяти, присуща избирательность, указанные рассказчики воздерживались от собственной аргументации. Они просто перечисляли факты либо в хронологическом, либо в тематическом порядке. В первую очередь это связано с возрастом наших рассказчиков, не решающихся давать оценку родным и предкам. С другой стороны, еще в девяти интервью мы видим попытки интерпретировать семейную историю, которые выглядят в большей мере как оценки, отражающие мнения старших поколений. История семей в них представлена как восходящая кривая, где трудности и утраты преодолеваются, а результатом является гордость за семью. Так, например, интервью, данное нам студенткой Юлией (18 лет), последовательно разворачивает гипертекст «Мы выжили, хотя нам было тяжело». Повествуя о «дворянской крови» своей семьи, респондент начинает описание с эпохи Петра I и насильственного переселения ее семьи в Казахстан. Далее следуют два описания, посвященных старшим родственникам, пострадавшим от сталинских репрессий: «Вообще так получилось, что во время этих репрессий трое из четырех моих прабабушек и прадедушек как бы побывали в тюрьме» (Юлия, 18 лет, студентка). Далее следует цепь рассказов, посвященных вышедшим из тюрьмы прадедушкам, участвовавшим в войне и дошедшим в 1945 г. до Берлина, а далее — небольшое возвращение во времена столыпинской реформы, когда прабабушка рассказчицы была вынуждена переселиться

на Дальний Восток. Мы сталкиваемся в тексте еще с одним гипертекстом, который можно было бы назвать «Роль мужчин в истории нашей семьи». Характерно, что данный гипертекст дополняет первый и последовательно разворачивается на примере образов дедушек, отца, брата, а кульминацией оказываются образы прадедушек, к которым рассказчица возвращается вновь, отвечая на дополнительные вопросы: *«Папа моей бабушки, то есть мой прадедушка Петр, вот он прошел всю войну, и до Берлина дошел, и вернулся домой. То есть я им сильно горжусь, восхищаюсь. Просто у меня это даже в голове не укладывается, какой сильный подвиг. Еще я знаю, что брат бабушки тоже воевал. Его забрали совсем мальчиком, то есть ему лет семнадцать было. Он, к сожалению, не дошел до конца. Вот я им, безусловно, тоже восхищаюсь. Это героический поступок. И вот благодаря этим людям мы до сих пор все живы, у нас большая семья. Все у нас хорошо благодаря вот их таким подвигам»* (Юлия, 18 лет, студентка).

В одном из интервью мы столкнулись с персональной позицией рассказчика, который, характеризуя положительные качества своих родителей, рассматривал саму передачу положительных отношений в семье как его собственный долг. Причем гипертекстом данного рассказа мог выступить заголовок «Постараюсь не разочаровать родителей». Семейная история в данном рассказе оказывается центрированной вокруг родителей респондента и не демонстрирует хронологической глубины, однако она оказывается не менее осмысленной: *«Родители хотели вырастить из меня одно, в итоге выросло совершенно другое, но им в итоге результат понравился. Они воспитали прежде всего человека мыслящего, человека, старающегося думать своей головой, выбирающего свой вектор. И вроде получилось, стараюсь не разочаровывать. Это чувство, что нельзя разочаровывать, тоже присутствует»* (Сергей, 25 лет, педагог начальных классов).

Анализируя интервью молодых липчан, мы столкнулись с еще одной вполне ожидаемой тенденцией. Половина рассказчиков явно обозначила в тексте свою готовность и понимание быть частью процесса передачи семейного опыта, в то время как ровно другая половина вообще не акцентировала внимание

на данной теме. Более того, в тех интервью, где сообщалось о «дворянских корнях» (Юлия, 18 лет, студентка), «боярском роде» (Филипп, 20 лет, студент), «давней истории на службе у царя» (Татьяна, 17 лет, студентка), а также где «дед по линии мамы составил генеалогическое древо» (Никита, 18 лет, студент), наблюдалось ярко выраженное стремление к сохранению и последующей передаче семейной идентичности. Это позволяет согласиться с ответственными исследователями, указывающими на важную роль материальных свидетельств и «коллективной работы» над семейным прошлым как факторов актуализации семейного исторического опыта у младших поколений [Городилина].

Возвращаясь к тем интервью, где позиция молодежи рассматривать себя частью процесса передачи семейного опыта не была выявлена, следует отметить, что это вовсе не означало абсолютное нежелание молодых липчан быть частью семьи и ее традиций. Более продуктивным было бы рассматривать их как стоящих в стороне от семейных традиций. Рассказчики сообщали более или менее отрывочные знания о прошлом семьи, но не стремились показать свою вовлеченность в данную историю, оставаясь нейтральными наблюдателями, констатировавшими некоторые факты семейной биографии. Любопытно, что в одном интервью рассказчик, хорошо знакомый с семейной историей, сознательно не стремится идти по пути ее преемственности, сохраняя при этом положительную эмоциональную связь со старшими родственниками. Он отмечает: *«У меня по материнской линии было очень длинное поколение военных. У меня прадед был военный летчик, генерал-лейтенант авиации, дед был полковник авиации. <...> Одно время меня очень сильно тянуло к небу, ну то есть я хотел какую-то свою профессию связать с авиацией, с небом, потому что, как я сказал, у меня дед был летчик, а бабушка, которая была его жена, она работала стюардессой, то есть она там первое время летала внутри страны, а в последние годы, когда уже стала опытнее, летала на международных рейсах. И меня вот эта тема захватывала, потому что вот у меня там семья тесно связана с небом, очень много проведено в небе. Я тоже хочу там быть, быть к этому причастен. И я хотел одно время*

поступать в летное училище в Краснодаре. Даже там, так сказать, сумели договориться, чтобы взять меня туда по благу, по связям. Но потом я как-то в последний момент, ну это было вот год назад, я передумал. Ну вот, у меня так заиграл гормон, заиграла хочуха-нехочуха. И я от этой идеи отказался. В принципе, не жалею, я так думаю» (Даниил, 19 лет, студент).

Обращаясь к кривым истории семей, выявленных нами в рассказах представителей молодежи, мы обнаружили лишь несколько случаев, когда кривая семейной истории оказывалась нисходящей. И каждый раз источниками негативной интерпретации опыта выступают различные факты семейной истории. Так, в одном случае мы столкнулись с фактом объяснения серии семейных неудач (смерти близких, разводы, инвалидности, пропажа и нахождение ребенка, неудачные беременности) действиями наговоров некоей «бабки»: *«Дедушка умер. Это было летом. Это был 2002 год. Подробностей я не помню. Но я помню, что мы были за городом с родителями, с палатками. И какая-то бабка была в лесу, проходила мимо нас. И что-то напорочила. Что-то сказала про нашу семью. Я не помню. Я была маленькая. И на следующее утро умирает дедушка. Он умер во сне» (Юлия, 21 год, студентка).* В другом случае источником нисходящей кривой рассказа оказывается советская политика по отношению к дворянству и к боярскому роду Морозовых, к которому себя причисляет рассказчик. Общий гипертекст данного рассказа можно было бы обозначить заголовком «Если бы не советское время». При этом, несмотря на активность рассказчика (Филипп, 20 лет, студент) в деле генеалогического поиска, общая череда событий семейной истории описывается как череда сложностей, выход из которых ему не вполне понятен.

Другая рассказчица, повествуя о трудностях своей семьи и в большей мере о негативных качествах некоторых членов своей семьи, несколько раз в интервью делает достаточно важный для нас вывод: *«Многие говорят, что я взяла со своей семьи все самое плохое. Вот все черты, что взять, характер, внешность. Ну все самое плохое» (Анастасия, 19 лет, студентка).* Разворачивая цепочку негативных оценок родных и делая особый акцент на атмосфере постоянного выяснения отношений, рассказчица

резюмирует следующей цитатой, не позволяющей нам в полной мере говорить о нисходящей кривой ее семейной истории: *«Я свою семью очень люблю. Я горжусь, что у меня такая история, ну очень богатая. Что у нас были и зажиточные люди, и герои военного времени, да и просто» (Анастасия, 19 лет, студентка).*

Выявленные случаи тем не менее не нарушают общую тенденцию доминирования восходящих кривых рассказа, где событийный план содержал преимущественно положительные описания и аргументацию, отсылающие к различным счастливым случаям, чудесам и нравственным качествам старших родственников и предков. При этом доминирование восходящих кривых зачастую не было связано с эмоциями гордости за семью и ее достижения. В семи интервью нами было выявлено, что при общей позитивной оценке семейного прошлого и, казалось бы, восходящей кривой она основывалась не столько на семейном историческом опыте, сколько на собственной субъективной уверенности рассказчика, что, на наш взгляд, можно полностью объяснить особенностями возраста.

Обращаясь к возрастной группе 30–50 лет, мы наблюдаем менее противоречивую картину. В этой связи нельзя не согласиться с отечественными [Городилова; Логунова; Нуркова; Омельченко, Андреева; Сапоровская; Скорик] и зарубежными [Gillis; Hirsch; History and Identity; Huisman; Kellas; Nelson] авторами, которые отмечают, что с возрастом у человека увеличивается не только пространство персонального опыта, но и появляется стремление к осмыслению своей деятельности на фоне семейной истории. Другими словами, фактор возраста оказывает существенное воздействие на формирование семейно-исторического сознания. Именно это в полной мере проявилось в процессе обработки и анализа интервью «средней» возрастной группы. Проанализировав двадцать интервью представителей данной возрастной группы, мы обнаружили только один случай (Светлана, 45 лет, продавец), когда рассказчица вообще не акцентировала внимание на осмысленности семейной истории. Весь ее рассказ выстраивается как набор описаний судеб членов семьи, главной проблемой, и в некоторых случаях причиной смерти (включая смерть ее мужа), которых оказывается алкоголь или

несчастный случай. Лишь в одном месте она останавливается и пытается переключить рассказ на описание положительных моментов. Однако в дальнейшем повествование снова переключается на описание негативных ситуаций. Показательно, что завершающий эпизод рассказа также посвящен смерти крестного рассказчицы от алкоголя в молодом возрасте и переживаниям его мамы. Также характерно, что в негативную интерпретацию цепочки смертей в семье она вписывает и смерть детей ее бабушек и дедушек в годы Великой Отечественной войны.

Данный случай оказался нетипичен для группы в целом, интервьюирование которой показало доминирование осмысленности семейной истории и потребности к ее дальнейшему познанию. В остальных случаях, когда нами было выявлено отсутствие выраженных признаков осмысленности семейного исторического опыта (семь интервью), это было связано в основном с отсутствием персонального интереса рассказчика к семейной истории, которая интерпретировалась как «обычная», «как у всех», «стандартная», «у нас все очень просто». Еще более любопытно, что отсутствие попыток осмысления семейной истории в восьми интервью из двадцати не всегда было связано с нисходящими кривыми рассказа. Только в четырех интервью мы столкнулись с тем, что незаинтересованность информантов в осмыслении семейного прошлого сопровождалась ситуацией интерпретации биографий семей как нисходящего процесса. В остальных случаях даже при условии отсутствия пассажей, указывавших на возможность какого-либо осмысления семейного прошлого, рассказчики демонстрировали восходящие кривые опыта семейной биографии, связывая это то с «гордостью за мужа, дочерей» (Людмила, 48 лет, лаборант-химик), то с «бабушкой, которая объединяла нас всех» (Валентина, 50 лет, медсестра), то с тем, что «в общем, как-то живем хорошо, в достатке, любим и любимы» (Оксана, 37 лет, воспитательница) или «живем как все и надеемся на детей» (Светлана 50 лет, электрик-монтер).

Также достаточно ожидаемыми выглядели результаты сравнительного анализа интервью в отношении осознания рассказчиками себя частью процесса передачи семейного

исторического опыта. В пятнадцати из двадцати интервью было выявлено осознанное стремление передавать семейные традиции младшему поколению. Правда, в интервью речь шла не о семейной традиции вообще, а о какой-то наиболее важной, с точки зрения рассказчика, части семейного опыта, актуальной для рассказчика практике. В большинстве случаев осознанность процесса передачи семейного опыта концентрировалась вокруг нравственных качеств семей: порядочность, честность, ответственность. То есть речь шла о преемственности семейных отношений как о главной ценности семейного опыта (девять интервью). Еще в нескольких случаях нами было выявлено осознанное стремление к передаче семейного опыта, выраженное в активности рассказчиков в рамках генеалогического поиска (три интервью). В одном из них рассказчица, рассматривая семейный исторический опыт в рамках гипертекстов «Мои родители — моя гордость» и «Наше счастливое детство», завершает рассказ описанием преемственности семейных практик выпекания пасхальных куличей и характеризует эту преемственность как «свою миссию»: *«Пасха для нас семейный праздник. Куличи готовим. В чистый четверг я прихожу с работы и мы начинаем красить яйца. Мама без меня не начинает. В пятницу мама начинает печь куличи, рецепт у нее остался еще от бабушки. Раньше это делала бабушка Маша. Я помню, что я приходила со школы, а они уже стояли готовые. Пышные. С помадкой. Посыпанные цветным зерном. И сейчас эта традиция сохраняется. Мы печем куличи, красим яйца, и в субботу я хожу их освящать в церковь. Почему-то мне досталась эта миссия, которую я исправно выполняю»* (Светлана, 34 года, инженер). При этом в указанных трех интервью мы не обнаружили отсылок к «родовитости», «дворянских корням» и проч. Источником активности в сфере семейной генеалогии скорее выступало ощущение своего возраста, актуализировавшее генеалогическое сознание. В двух других интервью вопрос об осознании преемственности не ставился, однако рассказчики указывали на необходимость передачи традиций в связи с «находкой старого фотоальбома», а также «измельчанием семьи». Только в одном случае нами был зафиксирован факт преемственности

трудовых традиций. В нашем случае речь идет об интервью Валерия (44 года), три поколения мужчин в семье которого были военными летчиками.

Не меньшей спецификой обладают и те интервью, где нами было выявлено в большей мере отрицательное отношение к процессу передачи семейных традиций. В трех интервью это было вызвано отсутствием интереса к семейному прошлому как таковому, а в двух других рассказы представляли собой описания череды смертей родственников и несчастных случаев. Это не только умаляло тему преемственности, но и, согласно особенностям сюжета рассказов, делало ее практически бессмысленной.

Показательно, что абсолютное большинство «кривых» историй семей, выявленных нами в рассказах группы «родителей» (30–50 лет), могут быть охарактеризованы как восходящие. Только в одном интервью, о котором мы писали выше, была выявлена противоречивая ситуация, связанная с цепочкой смертей и неудач. Однако последующая фаза расспросов не выявила признаков нисходящей кривой (Алина, 30 лет, медсестра). Скорее данный случай может быть охарактеризован как балансирующий между восходящей и нисходящей кривыми. Похожую ситуацию мы обнаружили еще в одном интервью, где рассказчица (Светлана, 45 лет, продавец) сложила повествование в рамках двух основных гипертекстов: «Моя бабушка — мое детство» и «Несчастья нашей семьи — гордиться нам нечем». О ее интервью мы писали выше. Еще в двух случаях мы не смогли четко зафиксировать направленность «кривых» рассказов в связи с тем, что рассказчики позиционировали свои семейные истории как «очень простые», «обыденные». В этих случаях мы столкнулись с заметным дефицитом информации, а также практически полным отсутствием описаний и аргументаций со стороны рассказчиков.

Источниками данных восходящих кривых сами рассказчики признавали положительные отношения в семье, заботу о детях и передачу ценностей, умение преодолевать трудности. Тем не менее в одном интервью мы столкнулись с достаточно противоречивым объяснением сложной истории семьи, кривая рассказа о которой являлась восходящей. Так, один

из уже упомянутых нами рассказчиков, повествуя о положительной истории семьи по линии отца (военный летчик) и крайне негативной истории семьи по линии матери (репрессированные русские немцы), не стремится объяснить оба случая как следствие единой эпохи. Трагический опыт его семьи по линии матери так и остается непроясненным, в то время как в отношении удачной карьеры отца он заявляет следующее: *«Естественно, участник Великой Отечественной войны, орденоносец. Благодаря Сталину и Берии он оказался в летном училище. Благодаря Сталину и Берии стал полярным летчиком»* (Валерий, 44 года, отставной летчик).

Восходящие и нисходящие кривые семейных рассказов не всегда являются питательным источником для мифологизации. Рассмотренный выше пример умолчания в интервью Валерия не единственный. Еще в двух интервью, где не были выявлены однозначно восходящая или нисходящая кривые, мы столкнулись с фактом простого перечисления цепочки трагических событий без каких-либо аргументаций и отсылок к чему-либо «сверхъестественному», «тайному», «судьбоносному». Наоборот, в интервью с восходящими кривыми нами были выявлены несколько вариантов мифологизации положительной семейной динамики. В большинстве случаев успехи семьи в прошлом объяснялись влиянием «судьбы» или «совокупности счастливых случайностей».

В нескольких интервью успехи семьи объяснялись огромной ролью одного из старших родственников (мама, бабушка, дедушка), нравственные качества, профессиональные успехи или прозорливость которых позволяли говорить рассказчикам о современных успехах их семей. В одном случае рассказчица особо отмечает «ответственность семьи» в качестве своеобразной мифологии ее успеха. Она отмечает: *«У моего папы, получается, сколько, две сестры и четыре брата. Ну они настолько, как сказать, рукодельные. Ну талантливы во всех сферах. То есть кто-то столяр, кто-то плотник, а они в одном лице и столяры, и плотники, и слесари, и механики. И могут косить. К сожалению, мой папа умер. Он мог косить, и кашу варить, и щи сделать. Вообще вся эта семья очень ответственная друг за друга. Вот, если возникала какая-то беда, какая-то*

проблема — все собирались, решали эту проблему» (Оксана, 44 года, предприниматель). Показательно, что одним из гипертекстов последующего рассказа как раз оказывается тема «Мы — очень ответственная семья», раскрытие которой происходит на фоне другого гипертекста: «Было тяжело, но мы справились», который, по сути, рисует нам серию описаний и рассказов, подтверждающих центральную мифологизированную идею описания семейной биографии.

Тенденция роста осмысленности семейной истории становится еще более заметной при обращении к возрастной группе 50 лет и старше. Только одно интервью из тринадцати представляло собой нетипичный случай, когда рассказчик, описывая «очень печальную и грустную историю», стремился к осмыслению не столько своей семейной памяти, сколько собственной жизни, вводя в рассказ малосвязанные эпизоды двух своих неудачных браков и сложных отношений с детьми. Все остальные рассказчики не только преподносили биографии семей как осмысленные, но, что еще более важно для нас, стремились увязать эту осмысленность с историческими событиями. В других случаях это связывалось с генеалогией (или воображаемой генеалогией) рода, восходящей к именитому купцу, промышленнику или георгиевскому кавалеру. В некоторых случаях трагические страницы жизни членов семьи и их участие в войнах, которые вела Россия в XX в. (включая Гражданскую войну и революцию), осмысливались как «не случайные», как примеры «искупления» или проявления «счастливой судьбы». При этом центральное значение для осмысления семейной истории в большинстве рассказов данной возрастной группы имеют события Великой Отечественной войны.

Характерно, что практически во всех интервью мы наблюдаем своеобразное разделение времени на до и после войны, проходящее во всех секвенциях, посвященных именно семье и старшим родственникам. Достаточно ожидаемым также было обнаружить осознанное стремление рассказчиков рассматривать себя частью процесса передачи семейных традиций. В большинстве интервью это обозначалось в рамках аргументаций о ценностях семьи и их значении для подрастающего поколения. Только

в трех интервью мы обнаружили стремление критически оценивать современную молодежь. В большинстве случаев описания и аргументации свидетельствовали об определенной надежде на то, что младшее поколение сохранит и передаст семейный исторический опыт.

Сравнительный анализ кривых историй семей, выявленных нами в процессе обращения с интервью в возрастной группе старше 50 лет, показал доминирование восходящих кривых, основным лейтмотивом которых может быть высказывание «Нам было тяжело, но мы выстояли» или «Мы держимся за старое и на том стоим». Несмотря на сообщения о трагических фактах, смертях на фронтах мировых и гражданских войн и даже трагических событиях раскулачивания, наши рассказчики не стремились к негативной переоценке своего жизненного опыта и, что еще более важно, истории страны. Восходящие кривые биографий семей в устах старшего поколения положительно осмысливаются не вопреки, а внутри той общественной системы отношений, в которой они живут.

Типы нарративов

Не меньший интерес имеет и общий взгляд на типологию семейных рассказов. В данном случае в отечественной и зарубежной науке предлагались и предлагаются различные варианты классификации и типологизации, специфика которых связана с самой целью исследования. И здесь действительно важен сам предмет исследования. Так, например, в одной из наиболее известных книг в Германии, посвященных теме семейной памяти, проблемы типологизации рассматриваются в контексте отношения разных поколений к нацистскому прошлому семей или к их трагическому прошлому как жертв. Рассматривая истории страдания и истории героического как типы передачи семейного опыта (модели рассказов), зарубежные авторы Харальд Вельцер, Сабине Моллер и Каролине Тшугналл выделяют пять стратегий рассказа: жертвенность, одобрение, дистанцирование, восхищение, торжественность [«Ora war...», 81]. На наш взгляд, подобные стратегии рассказа необходимо анализировать не столько как присущие самой семье, сколько как дискурсивные стратегии, циркулирующие в том

пространстве исторической культуры, в котором живет семья.

Выше мы попытались связать осмысленность рассказов о семейном прошлом с восходящими и нисходящими кривыми, которые, таким образом, оказывались способом интерпретации различных семейных сценариев. Однако типология семейных рассказов, связывающая их с восходящими и нисходящими кривыми, доминированием положительного или отрицательного исторического опыта, вряд ли может считаться полной, поскольку в меньшей мере обращена к специфике самой активности субъекта семейной памяти. В этой связи в работе М. В. Городилиной утверждается существование как минимум двух основных типов семейной идентичности в контексте биографической памяти поколений. В случае «кризисной» идентичности молодежь безразлично или негативно оценивает свое членство в семье, не ощущает тесную связь с ней и не желает идентифицировать себя с ее прошлым. Наоборот, в случае «зрелой» идентичности молодежь проявляет позитивное эмоциональное отношение к прошлому семьи, стремится познать биографию поколений семьи и ощущает высокую степень причастности к семейному историческому опыту [Городилина, 132].

В нашем случае анализ интервью показал, что представленная классификация безусловно оправдана, однако может быть уточнена в связи с тем, что часть молодых людей не проявила ни положительного, ни сугубо отрицательного отношения к семейной истории. Восемь из семнадцати интервью в молодежной среде скорее указывали на некую промежуточную форму отношения к семейному прошлому, содержащему некоторые знания о семье, но при отсутствии большого интереса и эмоциональной вовлеченности, а в некоторых случаях допускавшей избирательность отношения только лишь к какой-либо части биографии семьи. Так, в одном из интервью мы столкнулись с высоким уровнем знаний об истории семьи, со стремлением изучать историю рода, но только со стороны мамы, в то время как об отце и его родных демонстративно не было сказано ни слова.

В случае наших интервью, собранных в группе молодых липчан, мы могли бы говорить как минимум о трех типах семейного рассказа.

Во-первых, большинство рассказчиков демонстрировали высокую степень преемственности семейных традиций, хотя в каждом случае наблюдалась своя специфика. Объектом преемственности могли являться трудовые традиции в семье, но в большей мере речь шла о практиках быта и досуга, а также о преемственности нравственных качеств членов семьи. В таком случае мы можем говорить о первом типе рассказа, содержащего указания на высокую степень преемственности с семейным прошлым. Во-вторых, семь из семнадцати рассказчиков, как мы уже отмечали выше, не столько отрицали свою связь с семейной историей, сколько крайне инертно сообщали факты, высказываясь относительно них достаточно нейтрально. В таком случае мы уже говорим о втором типе рассказа, указывающем на слабую преемственность с семейной историей. И наконец, третий тип рассказа, обнаруженный нами только у одного респондента, являл собой достаточно негативное отношение и стремление к разрыву семейных традиций, воплощенных, по мнению рассказчика, в отрицательных нравственных качествах его родителей. При этом в каждом типе рассказа преемственность с семейной историей или ее отсутствие были связаны с какой-либо отдельной стороной повседневности, практиками труда, быта, досуга или образами старших родственников, а также с самими положительными отношениями в семье. В данном случае определяющими как раз являются субъективная позиция рассказчика, его симпатии и антипатии, а самое главное — его текущее социальное положение и включенность в соответствующие культуры воспоминаний. Это полностью согласуется с предшествующими исследованиями коллег из ФРГ, в работах которых неоднократно подчеркивалось, что «даже отдельный представитель семьи может конструировать “семейную память” через различные версии “семейной истории»» [“Ora war...”, 20] и что «единство какой-либо семейной истории заключается не в единой истории, но в непрерывности и целостности обстоятельств и актов собственного воспоминания» [Kerpler, 207].

Далее мы обратились к следующему поколению наших рассказчиков (30–50 лет). Однако и здесь мы не обнаружили ни одного примера отрицательного отношения к семейным

традициям. Наоборот, в двенадцати интервью из двадцати нами был выявлен тип сильной преемственности с различными составляющими семейной традиции. Даже в уже упоминаемом выше случае рассказчицы речь шла о череде негативных описаний, что не давало ей повода отказываться от семейного исторического опыта. Более того, ее негативное отношение к отцу не бросает тень на всю историю ее семьи, где его место заменил отчим: *«Про такого отца не было ни слуха ни духа. Алиментов он не платил с того момента, как разошлись, наверное, ни разу... Ну даже с днем рождения не поздравлял, ну, в общем, всерьез я его не воспринимала, потому что, когда мама от него ушла, мне было четыре года, а лет с пяти моим воспитанием занимались уже мама и отчим»* (Алина, 30 лет, медсестра).

Еще в одном случае мы не выявили ни одной семейной традиции, преемственностью которой мог бы гордиться рассказчик. Однако в его интервью мы обнаружили несколько аргументаций, свидетельствующих о заботе по отношению к детям как о важнейшей ценности семейного исторического опыта, передаваемой из поколения в поколение (Антон, 32 года, сварщик). В отличие от молодежной группы в данной возрастной среде более актуальными в фокусе рассказов оказались трудовые традиции. Так, в четырех интервью из двенадцати, где нами был выявлен сильный тип преемственности, мы столкнулись с трудовыми династиями (инженеры на Новолипецком металлургическом комбинате, работа в органах госбезопасности, военная авиация, парикмахерские услуги). В остальных интервью с сильным типом преемственности доминировали традиции быта и досуга, воплощенные в особом качестве семейных отношений, а также в совместных практиках празднования светских и религиозных праздников. Особая сторона семейного опыта, с которой в данном случае соотносили себя большинство рассказчиков, была связана с их детьми. Именно из перспективы детей и последующего потомства как важнейшего фактора семейной традиции и преемственности смотрят на семейные истории наши рассказчики из группы «родителей». Данное обстоятельство совершенно не удивительно в силу возраста наших рассказчиков. Так, в одном

из интервью, в котором до трети рассказа оказалось посвящено ребенку, рассказчица завершает последнюю секвенцию высказыванием о ребенке как о «семейной реликвии» (Юлия, 32 года, медсестра).

Обращаясь к старшему поколению в возрасте после 50 лет, мы также обнаружили доминирование типа сильной преемственности, что было для нас ожидаемым. В данном случае еще более актуальными оказываются трудовые традиции, объяснение чему находим в социальном происхождении наших рассказчиков. Большинство из них являются выходцами из крестьянской среды. Только в трех случаях мы выявили иные формы осознания преемственности с семейным прошлым. В одном случае речь шла об утраченной фактически и обретенной в воспоминаниях традиции рода Демидовых, с которым себя, по его словам, соотносил рассказчик: *«Там у нас ходит легенда. Фамилия у мамы девичья — Демидова. А легенда ходит: еще в петровские времена, когда был царь Петр I, были такие купцы Демидовы. Они поехали на Урал. Урал — это где Уральские горы. И нашли там железные руды и построили много заводов. Они стали богатыми. Стали выплавлять и чугун, и сталь, и медь. Продавали государству — разбогатели. Недаром есть такое название — Демидовские заводы. И вот ходит легенда, что мамин род и есть род Демидовых. Да. Она приехала в Липецк. Вышла замуж, и фамилия стала другая»* (Владимир, 53 года, рабочий НЛМК). В нескольких случаях речь шла о преемственности традиций досуга и в первую очередь о семейных праздниках. Показательно, что в двенадцати из тринадцати интервью мы столкнулись с чередой положительных эмоций, выраженных в описаниях праздников. Рассказчики останавливали ход повествования и начинали детально рассказывать о различных семейных собраниях по поводу дней рождений, свадеб или юбилеев семьи.

Итак, результаты нашего исследования позволили выявить целый ряд наиболее общих тенденций семейной памяти и специфики ее темпоральности в нарративах трех поколений липчан. Первой тенденцией являлся безусловный рост осмысленности семейной истории по мере увеличения возраста наших респондентов. Второй важнейшей тенденцией стало использование респондентами событий

Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. как своеобразной «мировоззренческой» рамки для интерпретации событий семейной истории и ее базовых смыслов. Можно также говорить о том, что значение данной рамки усиливалось с увеличением возраста наших респондентов. Третьей тенденцией, зафиксированной нами в разных возрастных группах, стали ярко выраженное стремление уйти от осмысления трагических событий семейной истории и не критичность восприятия биографий членов семьи в эпоху репрессий 1930-х гг. Четвертой тенденцией, значимо заявившей о себе, стало абсолютное доминирование сильного типа преэминентности по отношению к семейным традициям.

Медийное пространство и семейные коммеморации в Липецкой области: опыт дискурс-анализа

Наш основной тезис состоит в невозможности рассматривать динамику темпоральности семейной памяти и ее нарративы вне окружающего социального контекста. Отталкиваясь от конструктивистской перспективы исследования, мы обнаруживаем семейную память в качестве динамического поля смыслов и практик семейного исторического опыта, располагающегося между автобиографической памятью индивида и исторической культурой. Наша точка зрения состоит в том, что историческая культура является не просто посредником, но активной средой, которая осуществляет взаимодействие между различными типами знания о прошлом и формами памяти сообществ, а также присущими им ценностными основаниями в отношении к прошлому. В таком случае семейная память оказывается одновременно одной из сред данной циркуляции, но также и оказывается под влиянием этой циркуляции образов прошлого, помещающей семейные воспоминания в новые интерпретативные контексты. Ключевое значение в этой связи приобретает медийная среда, исследования влияния которой на коллективные воспоминания становятся все более популярными в *memory studies* [Сафронова; Digital Memory; Erll, Rigny; Garde-Hansen].

Как показывают многочисленные исследования медиапространства коллективной

памяти, одним из наиболее эффективных методов изучения продолжает оставаться дискурс-анализ. В нашем случае мы стремились соединить дискурс-анализ и биографический подход. В этой связи важной является мысль Е. Ю. Рождественской о том, что биография имеет «двойную структуру». С одной стороны, биография обусловлена институциональными практиками, а с другой — является результатом конструирования Я-концепции ее носителя [Рождественская, 74]. Отталкиваясь от идей Е. Ю. Рождественской, О. И. Зевелева смогла осуществить комбинацию биографического подхода Г. Розенталя и критического дискурс-анализа З. Йегера в процессе исследования идентичности русских немцев в ФРГ [Зевелева]. «Критический дискурс-анализ может стать... дополнительным инструментом, с помощью которого в частных биографиях исследователь сумеет вычленить общие социальные тенденции. В большинстве современных биографических исследований общее вычленяется из специфического с помощью построения типов биографий, но обращение к дискурсам в обществе может послужить дополнительным ресурсом для понимания “общего” и как оно влияет на специфическое» [Там же, 20].

Опыт российских исследователей чрезвычайно важен для нас в нашей попытке соединить биографический метод Ф. Шютце (в применении к семейной памяти липчан) и критический дискурс-анализ З. Йегера (в применении к медийной среде в Липецкой области). Как известно, методология критического дискурс-анализа З. Йегера позиционировалась им как прямое применение идей М. Фуко в области изучения влияния дискурсивных практик на общество. Немецкого исследователя интересовало, как возникает легитимное знание и каковы его функции в процессах конструирования социальных отношений. Сам З. Йегер определял знание как «любые формы содержания сознания, а также значения, используемые субъектами для интерпретации окружающей реальности на данном историческом периоде времени» [Jäger, 33]. Немецкий теоретик использует определение дискурса, данное Ю. Линком, отмечая, что дискурс есть «институционально консолидированный язык, определяющий структуру социальных действий и тем самым влияющий на отношения власти

в обществе» [Jäger, 34]. В данной статье мы не будем подробно излагать описание схемы метода дискурс-анализа З. Йегера и Ф. Майера, поскольку она хорошо представлена в самих публикациях авторов [Ibid.], а также неоднократно описывалась и применялась в российской научной литературе [Зевелева; Переверзев]. Укажем только, что основной задачей данного метода является анализ типичных текстовых фрагментов (фрагментов дискурсов), репрезентированных в символическом пространстве и содержащих различные виды отсылок на одну тему. Данная тема выступает в качестве своеобразной дискурсивной нити (*discursive strand*), которую немецкий исследователь определяет как сумму текстовых фрагментов как фрагментов дискурса на одну тему [Jäger, 38]. В нашем случае такой общей темой оказывается тема семейной памяти и ее преемственности.

Продолжающаяся пандемия внесла существенные коррективы в коммеморативные практики, реализуемые как государством, так и негосударственными акторами политики памяти в стране. Подробный разбор влияния пандемии на основное событие официальной политики памяти, празднование юбилея Победы в 2020 г., читатель найдет в статье В. Бешкинской и А. Миллера [Бешкинская, Миллер]. С другой стороны, онлайн-формат создает уникальную возможность оценить и проанализировать многочисленное поле источников, репрезентирующих дискурс региональной политики памяти и ее практики, поскольку абсолютно все акции и мероприятия оставляли свои следы в Интернете. В этой связи мы постарались проанализировать все основные медиаресурсы Липецкой области, которые оказались представлены следующими группами сайтов: 1) новостные медиапорталы и интернет-версии липецких газет (Lipetskmedia, Липецкое время, Gorod48, ГТРК Липецк); 2) сайты учреждений культуры и общественных организаций (Липецкая областная универсальная научная библиотека, Липецкий историко-культурный музей, Центральная городская библиотека имени С. А. Есенина, Центр патриотического воспитания); 3) сайты государственных учреждений (Управление культуры и туризма Липецкой области, Управление образования и науки Липецкой области). Мы проанализировали

все упоминания о семейной памяти, а также о различных видах семейной коммеморации, которые появлялись на указанных сайтах в 2019–2021 гг. (193 ссылки). Выбор данного хронологического периода был связан с рамками нашего собственного исследования (2020), а также включал в себя годы, которые предшествовали (2019) и следовали (2021) за юбилейным 2020 годом, связанным с празднованием 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Как мы и ожидали, на юбилейный 2020 год пришлось 69 % всех интернет-ссылок. Большая часть ссылок была выявлена на порталах Lipetskmedia и Липецкое время, которые являются основными медиаресурсами региона.

В рамках методологии З. Йегера и Ф. Майера нами был проведен структурный анализ, который позволил проанализировать описания типов текстов, выявить основные темы, их заголовки и подзаголовки, элементы передаваемых структурных значений каждого блока информации. Далее нами были проанализированы основные риторические средства релевантных информационных сообщений (виды и формы аргументаций и аргументативных стратегий, логика и композиция, импликация и инсинуация, коллективный символизм и метафоры в языке). На основе сравнения изученных информационных источников нами были выделены типичные фрагменты дискурса. Одним из наиболее ярких примеров в этой связи выступает информационное сообщение об истории семьи жительницы Добринского района Елены Жилинской [Выступление в Кремле...]. Кодирование ее биографического рассказа, представленного на сайте, позволяет увидеть восходящую структуру, в центре которой стоит идея семьи, достойно прошедшей все трудные моменты истории своей страны, воспитавшей следующее поколение отважных тружеников и воинов.

Характерный момент в данной истории — отсутствие акцента на «сложные» периоды советской истории (периоды голода, репрессии, политические кампании, факты социальной несправедливости), которые оказались либо незначительными моментами в семейной биографии, либо не затронули семью вообще, либо не оказались в фокусе внимания рассказчицы и журналиста в момент их беседы.

Показательно, что в рассказе каждый исторический эпизод истории семьи разворачивается в рамках соответствующей эпохи истории России XX в. и завершается описанием какой-либо удачной для семьи ситуации, что позволяет интерпретировать сумму фрагментов как описание истории успешной семьи, где служение Родине и хорошие дела всегда приносят удачу следующим поколениям. Сходная структура нарратива была обнаружена в информационном сообщении о семейной истории липецкого депутата и бизнесмена Николая Борцова [«Каждый уголок...»]. Центральным событием, выделяемым во всех представленных в медиа семейных историях, является тема Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Вместе с тем выявленные фрагменты дискурса вряд ли можно считать чем-то уникальным для Липецкой области. В данном случае мы имеем дело с общероссийскими тенденциями трансформации общественных коммемораций, центрированных в последние годы исключительно вокруг темы Победы в войне.

Российские исследователи В. Бешкинская и А. Миллер подробно проанализировали данные тенденции, которые могут в полной мере быть обнаружены не только на федеральном, но и на региональном уровнях [Бешкинская, Миллер]. Первая тенденция была связана с тем, что память о Победе к 2020 г. превратилась не только в единственный миф–основание существующей политической системы, но и в важнейший символ образовательной политики, важнейшей воспитательной целью которой стало развитие чувства патриотизма и гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества. Вторая тенденция ознаменовала переход к героизации подвига каждого отдельного участника войны через целый набор официальных интернет-ресурсов. Третья тенденция, по мнению отечественных исследователей, состоит в своеобразном сдвиге внимания на тему тыла и его вклада в победу. Более того, «лейтмотивом Года памяти и славы стала героизация подвига не только фронтовиков, не только тружеников тыла, но всех, “чья повседневная жизнь в годы войны уже стала подвигом”. Понятие героического расширилось до тех пределов, когда буквально (а не только фигурально) каждый российский школьник смог бы найти героическое в семейном

прошлом и артикулировать в публичном пространстве историю своего героя/героев хотя бы в одной, а лучше в нескольких из сотен все-российских или локальных акций, созданных специально для этого» [Бешкинская, Миллер, 73]. Четвертая тенденция являет себя в «продлении возраста героев» и включении в ранг героев как детей войны, так и ветеранов всех остальных военных конфликтов. Наконец, пятая тенденция оказалась связанной с «былизацией» войны в новых кинопроектах, где историческая достоверность отходит на второй план по сравнению с эмоционально насыщенным контентом.

Тенденции трансформации памяти о Победе в войне, выявленные и проанализированные нашими коллегами, помогли нам завершить дискурс-анализ медийного пространства Липецкой области и выявить специфику дискурсивной нити, характерной для региона. Критический дискурс-анализ источников показал, что тема семейной памяти стала основной для большинства (87 %) информационных сообщений, коммеморативных акций и отдельных практик. В особенности это касалось празднования 75-летия Победы в войне [День Победы...]. В данном случае не надо забывать, что Липецкая область — это регион, ориентированный преимущественно на сельскохозяйственную деятельность, где городское население (города Липецк, Елец, Грязи, Данков) в последние полвека росло преимущественно за счет миграции из деревни в город. Традиционные установки на семейную культуру и семейные связи до сих пор являются важным отличием социально-психологической среды в области. Как и повсюду в стране, центральную роль в системе общественных коммемораций в Липецкой области играет память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., не только присутствующая в коммеморациях, репрезентирующих непосредственно данное событие, но и выступающая основным нарративом в других аспектах городской и сельской памяти (коммеморации традиций металлургической промышленности, коммеморации Липецкого авиацентра, коммеморативные мероприятия в парках, садах и усадьбах Липецкой области). Характерно, что нами была выявлена своеобразная попытка символической конкуренции Липецкой области за право

считаться первым регионом, реализовавшим еще в советское время практику акции «Бес-смертный полк» [Меньшикова].

Важной особенностью дискурсивного пространства медиарепрезентаций семейной памяти в Липецкой области является стремление уйти от сложных и противоречивых страниц российской истории XX в. В данном случае только в 6 % информационных сообщений нами были обнаружены упоминания о репрессиях и их месте в биографиях семей. При этом ни в одном сообщении речь не шла об опыте переосмысления или о призыве к нему. Трагические обстоятельства российской истории преподносились как нечто «судьбоносное», как водоворот событий, в котором семья оказывалась не субъектом свершения, а объектом воздействия исторических событий. Тенденция отсутствия направленности на развитие критического семейно-исторического сознания была выявлена в процессе анализа большинства коммеморативных акций и практик, прошедших в области в интересовавший нас хронологический период. В большинстве случаев речь шла либо о визуализациях ушедших родственников, либо о публикации части их воспоминаний, либо о символических актах (например, акции «Сады памяти», «Память сильнее времени), где основной акцент делался на высаживании деревьев, написании письма родственнику-фронтовику, украшении жилища. Совершенно справедливо также можно говорить о стремлении к выстраиванию сильной преемственности семейных коммемораций в исторической политике властей Липецкой области.

Таким образом, сочетание биографического подхода и методологии дискурс-анализа позволило нам выявить и сопоставить общие тенденции, которые оказались, с одной стороны, доминирующими в нарративах семейной памяти, а с другой — наглядно представленными в медийном дискурсе общественных коммемораций. Развертывание семейной темпоральности в таком случае предстает как процесс постоянного и динамического взаимодействия со смысловым пространством исторической культуры региона и ее практиками использования прошлого. Сама

семейная память оказывается одной из сред циркуляции образов и практик исторической культуры, но одновременно и формируется под влиянием этой циркуляции, помещающей семейные воспоминания в новые интерпретативные контексты. Однако взгляд на данные контексты в региональном измерении всегда оказывается двойственным, учитывающим конкретный случай индивидуальной биографии семьи и автобиографической памяти ее носителей, а с другой стороны, обращенным к институциональным средам общественных коммемораций региона.

Результаты нашего исследования позволили выявить целый ряд наиболее общих тенденций трансформации семейной памяти и специфики ее темпоральности в нарративах трех поколений липчан. Первой тенденцией являлся безусловный рост осмысленности семейной истории по мере увеличения возраста наших респондентов. Второй важнейшей тенденцией стало использование респондентами событий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. как своеобразной «мировоззренческой» рамки для интерпретации событий семейной истории и ее базовых смыслов. Можно также говорить о том, что значение данной рамки усиливалось с увеличением возраста респондентов. Третьей тенденцией, зафиксированной нами в разных возрастных группах, стали ярко выраженное стремление уйти от осмысления трагических событий семейной истории и не критичность восприятия биографий членов семьи в эпоху репрессий 1930-х гг. Четвертой тенденцией, значимо заявившей о себе, стало абсолютное доминирование сильного типа преемственности по отношению к семейным традициям. Предпринятый нами дискурс-анализ медийного пространства позволил выявить сходные тенденции в практиках публичной репрезентации семейного прошлого в регионе. Это позволяет не только говорить о конструировании семейной памяти инструментами официальных коммемораций, но и утверждать необходимость для исторической политики учитывать своеобразие культур памяти в регионе, воспроизводимых в том числе и в рамках семейного исторического опыта.

Список источников

- Бешкинская В., Миллер А. Страдания, подвиг тыла и общая ответственность за войну // Россия в глобальной политике. 2020. № 5 (105). С. 60–88.
- Выступление в Кремле, польское «наследство» и Сталинград: семейная сага пяти поколений // Lipetskmedia. 07.11.2021. URL: <https://lipetskmedia.ru/news/society/154019-Vistuplyeniye/> (дата обращения: 06.12.2021).
- Городилина М. В. Семейная идентичность современной молодежи в контексте биографической памяти поколений: дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2017. 192 с.
- День Победы дистанционно и онлайн: полный гид мероприятий в Липецкой области // Lipetskmedia. 02.05.2020. URL: https://lipetskmedia.ru/news/society/130500-Dyen_Pobyedi/ (дата обращения: 06.12.2021).
- Зевелева О. И. Биографический метод и дискурс-анализ: перспективы сочетания // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 39. С. 7–39.
- «Каждый уголок наполнен любовью»: Николай Борцов рассказал о родном доме в День семьи // Lipetskmedia. 08.07.2021. URL: https://lipetskmedia.ru/news/society/148983-_Kazhdiiu_ugolok/ (дата обращения: 06.12.2021).
- Линченко А. А. «Мы сами — время»: динамика времени и смысл прошлого в нарративах семейной памяти. Ч. 1 // Tempus et Memoria. 2020. Т. 1, № 1–2. С. 53–67.
- Логунова Л. Ю. Социально-философский анализ семейно-родовой памяти как программы социального наследования: дис. ... д-ра философ. наук. 09.00.11. — социальная философия. Кемерово, 2011. 267 с.
- Меньшикова Э. «Бессмертный полк» вышел в Липецкой области еще в 1985 году // Lipetskmedia. 08.05.2019. URL: https://lipetskmedia.ru/news/society/115182-_Byessmyertniii/ (дата обращения: 06.12.2021).
- Нуркова В. В. Сверхъестественное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М. : Изд-во УрАО, 2000. 320 с.
- Омельченко Е. Л., Андреева Ю. В. Что остается в семейной памяти: память о советском сквозь разговор трех поколений // Социол. исслед. 2017. № 11. С. 147–156.
- Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М. : Издат. дом ВШЭ, 2012. 381 с.
- Томпсон П. Семейный миф, модели поведения и судьба человека // Хрестоматия по устной истории / общ. ред. В. М. Лоскутовой. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. С. 110–146.
- Переверзев Е. В. Критический дискурс-анализ: от теории к практике // Язык. Текст. Дискурс. 2009. № 7. С. 105–116.
- Сафронова Ю. А. Историческая память. Введение : учеб. пособие. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с.
- Сапоровская М. В. Поколения в семье: методология, теория и практика исследования // Вестн. Курск. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. Серия : Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2012. Т. 18, № 1. С. 170–174.
- Скорик А. П. Семейные и индивидуальные микроистории как поиск индивидуальной и коллективной идентичностей (на материалах Донского региона) // Ставропол. альм. Рос. о-ва интеллектуал. истории. 2013. № 14. С. 96–109.
- Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition / ed. by A. Hoskins. London : Routledge, 2017. 326 p.
- Erl A., Rigny A. Introduction: Cultural Memory and its Dynamics // Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory / ed. by A. Erl, A. Rigney. Berlin ; N. Y. : Walter de Gruyter, 2009. P. 1–15.
- Garde-Hansen J. Media and Memory. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2011.
- Gillis J. R. A World of Their Own Making. Myth, Ritual, and the Quest for Family Values. Cambridge : Harvard University Press, 1996. 336 p. Text: immediate.
- Hirsch M. Family frames: Photography, narrative, and postmemory. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1997. 304 p.
- History and Identity in the Narratives of Rural Elders / L. T. Dorfman, S. A. Murty, R. J. Evans [et al.] // Journal of Aging Studies. 2004. Vol. 18, iss. 2. P. 187–203.
- Huisman D. M. Telling a family: family storytelling, family identity, and cultural membership : thesis ... doctor of philosophy / Huisman Dena Marie. The University of Iowa, USA, 2008. 215 p.
- Jäger S. Discourse and Knowledge: Theoretical and Methodological Aspects of a Critical Discourse and Dispositive Analysis // Methods of Critical Discourse Analysis / R. Wodak, M. Meyer (Eds.). London : SAGE Publications, 2013. P. 32–63.
- Kellas J. K. Finding Meaning in Difficult Family Experiences: Sense-Making and Interaction Processes during joint Family Storytelling / J. K. Kellas, A. R. Trees // The Journal of Family Communication. 2006. Vol. 6, iss. 1. P. 49–76.
- Keppler A. Tischgespräche: Über Formen kommunikativer Vergemeinschaftung in Familien. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1994. 312 s.
- Nelson K. Remembering and Telling: A Developmental Story // Journal of Narrative and Life History. 1991. Vol. 1 (2–3). P. 109–127.
- “Opa war kein Nazi”. Nationalsozialismus und Holocaust im Familiengedächtnis / (Hrs.) Welzer, Harald; Moller, Sabine; Tschuggnall, Karoline. Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 2002. 256 s.
- Schütze F. Kognitive Figuren des autobiographischen Stegreiferzählens // Biographie und Soziale Wirklichkeit: neue Beiträge und Forschungsperspektiven / Kohli, Martin (Ed.); Robert, Günther (Ed.). Stuttgart : Metzler, 1984. S. 78–117.
- Schütze F. Biographieforschung und narrative Interview // Neue Praxis. 1983. H. 3. S. 283–293.

References

- Beshkinskaya, V., Miller, A. (2020). Stradaniya, podvig tyła i obshchaya otvetstvennost' za vojnu [Suffering, feat of the rear and shared responsibility for the war]. *Russia in Global Affairs*, 5(105), 60–88.

Den' Pobedy distancionno i onlajn: polnyj gid meropriyatij v Lipeckoj oblasti (2020) [Victory Day remotely and online: a complete guide of events in the Lipetsk region]. *Lipetskmedia*. 02.05.2020. URL: https://lipetskmedia.ru/news/society/130500-Dyen_Pobyedi/ (accessed: 06.12.2021).

Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition (2017) / ed. by A. Hoskins. London: Routledge. 326 p.

Erl, A., Rigny, A. (2009). Introduction: Cultural Memory and its Dynamics. *Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory* / ed. by A. Erl, A. Rigney. Berlin, N. Y.: Walter de Gruyter, 1–15.

Garde-Hansen, J. (2011). *Media and Memory*. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 174 p.

Gillis, J. R. (1996). *A World of Their Own Making. Myth, Ritual, and the Quest for Family Values*. Cambridge: Harvard University Press, 336 p.

Gorodilina, M. V. (2017). *Semejnaya identichnost' sovremennoj molodezhi v kontekste biograficheskoy pamyati pokolenij* [Family identity of modern youth in the context of biographical memory of generations]: dis. ... kand. psihol. nauk. Moskva, 192 s.

Hirsch, M. (1997). *Family frames: Photography, narrative, and postmemory*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 304 p.

History and Identity in the Narratives of Rural Elders (2004) / L. T. Dorfman, S. A. Murty, R. J. Evans [et al]. *Journal of Aging Studies*, 18, 2, 187–203.

Huisman, D. M. (2008). *Telling a family: family storytelling, family identity, and cultural membership*: thesis ... doctor of philosophy. The University of Iowa, USA, 215 p.

Jäger, S. (2013). Discourse and Knowledge: Theoretical and Methodological Aspects of a Critical Discourse and Dispositive Analysis. *Methods of Critical Discourse Analysis* / R. Wodak, M. Meyer (Eds.) London: SAGE Publications, 32–63.

“Kazhdyj ugolok napolnen lyubov'yu”: Nikolaj Borcov rasskazal o rodnom dome v Den' sem'I (2021) [“Every corner is filled with love”: Nikolai Bortsov spoke about his home on Family Day]. *Lipetskmedia*. 08.07.2021. URL: https://lipetskmedia.ru/news/society/148983-_Kazhdiii_ugolok/ (accessed: 06.12.2021).

Kellas, J. K. (2006). Finding Meaning in Difficult Family Experiences: Sense-Making and Interaction Processes during joint Family Storytelling / J. K. Kellas, A. R. Trees. *The Journal of Family Communication*, 6, 1, 49–76.

Kepler, A. (1994). *Tischgespräche: Über Formen kommunikativer Vergemeinschaftung in Familien*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 312 s.

Linchenko, A. A. (2020). “My sami — vremya”: dinamika vremeni i smysl proshlogo v narrativah semejnoy pamyati. Chast 1 [“We are the time”: the dynamics of time and the sense of the past in the narratives of family memory. Part 1]. *Tempus et Memoria*, 1, 1–2, 53–67.

Logunova, L. Y. (2011). *Social'no-filosofskij analiz semejno-rodovoy pamyati kak programmy social'nogo nasledovaniya* [Socio-philosophical analysis of family-tribal memory as a program of social inheritance]: dis. ... dokt. filosof. nauk. 09.00.11. — social'naya filosofiya. Kemerovo. 267 p.

Men'shikova, E. (2019). “Bessmertnyj polk” vyshel v Lipeckoj oblasti eshche v 1985 godu [“Immortal regiment” began in the Lipetsk region back in 1985]. *Lipetskmedia*. 08.05.2019. URL: https://lipetskmedia.ru/news/society/115182-_Byessmyertniii/ (accessed: 06.12.2021).

Nelson, K. (1991). Remembering and Telling: A Developmental Story. *Journal of Narrative and Life History*, 1(2–3), 109–127.

Nurkova, V. V. (2000). *Svershyonnoe prodolzhaetsya: psihologiya avtobiograficheskoy pamyati lichnosti* [The accomplished continues: the psychology of the autobiographical memory of the personality]. M.: Izd-vo URAO. 320 p.

Omelchenko, E. L., Andreeva, Y. V. (2017). Chto ostaetsya v semejnoy pamyati: pamyat' o sovetskom skvoz' razgovor trekh pokolenij [What remains in family memory: memory of the Soviet through the conversation of three generations]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 11, 147–156.

“Opa war kein Nazi”. *Nationalsozialismus und Holocaust im Familiengedächtnis* (2002) / (Hrs.) Welzer, Harald; Moller, Sabine; Tschuggnall, Karoline. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag. 256 s.

Pereverzev, E. V. (2009). Kriticheskij diskurs-analiz: ot teorii k praktike [Critical Discourse Analysis: From Theory to Practice]. *Yazyk. Tekst. Diskurs*, 7, 105–116.

Rozhdestvenskaya, E. Y. (2012). *Biograficheskij metod v sociologii* [Biographical method in sociology]. M.: Izdatel'skij dom VSHE. 381 p.

Safronova, Y. A. (2019). *Istoricheskaya pamyat': vvedenie: uchebnoe posobie* [Historical Memory: An Introduction: A Study Guide]. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 220 p.

Saporovskaya, M. V. (2012). Pokoleniya v sem'e: metodologiya, teoriya i praktika issledovaniya [Generations in the family: methodology, theory and practice of research]. *Vestnik Kurskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Social'naya rabota. Yuvenologiya. Sociokinetika*, 18, 1, 170–174.

Schütze, F. (1984). Kognitive Figuren des autobiographischen Stegreiferzählens. *Biographie und Soziale Wirklichkeit: neue Beiträge und Forschungsperspektiven* / Kohli, Martin (Ed.); Robert, Günther (Ed.). Stuttgart: Metzler, 78–117.

Schütze, F. (1983). Biographieforschung und narrative Interview. *Neue Praxis*, 3, 283–293.

Skorik, A. P. (2013). Semejnye i individual'nye mikroistorii kak poisk individual'noj i kollektivnoj identichnostej (na materialah Donskogo regiona) [Family and individual microhistories as a search for individual and collective identities (based on materials from the Don region)]. *Stavropol'skij al'manah Rossijskogo obshchestva intellektual'noj istorii*, 14, 96–109.

Tompson, P. (2003). Semejnyj mif, modeli povedeniya i sud'ba cheloveka [Family myth, behavior patterns and human destiny]. *Hrestomatiya po ustnoj istorii / obshch. red. V. M. Loskutovoj*. SPb.: Izd-vo Evrop. Un-ta v S.-Peterburge, 110–146.

Vystuplenie v Kremle, pol'skoe “nasledstvo” i Stalingrad: semejnaya saga pyati pokolenij (2021) [Speech in the Kremlin, Polish “legacy” and Stalingrad: a family saga of five generations]. *Lipetskmedia*. 07.11.2021. URL: <https://lipetskmedia.ru/news/society/154019-Vistuplyeniye/> (accessed: 06.12.2021).

Zeveleva, O. I. (2014). Biograficheskij metod i diskurs-analiz: perspektivy sochetaniya [Biographical Method and Discourse Analysis: Prospects for Combination]. *Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*, 39, 7–39.

Сведения об авторах

Линченко Андрей Александрович, кандидат философских наук, научный сотрудник Финансового университета при Правительстве РФ, г. Липецк, Россия

Information about the authors

Andrey A. Linchenko, Cand. Sci (Philosophy), Scientific Researcher at the Financial University, Lipetsk, Russia

*Статья поступила в редакцию 15.12.2021;
одобрена после рецензирования 25.12.2021;
принята к публикации 30.12.2021*

*The article was submitted 15.12.2021;
approved after reviewing 25.12.2021;
accepted for publication 30.12.2021*